

Ванькины именины

Мамин-Сибиряк

Бей, барабан, та-та! тра-та-та! Играйте, трубы: тру-ту! ту-ру-ру! Давайте сюда всю музыку - сегодня Ванька именинник! Дорогие гости, милости просим. Эй, все собирайтесь сюда! Тра-та-та! Тру-ру-ру!

Ванька похаживает в красной рубахе и приговаривает:

- Братцы, милости просим. Угощенья - сколько угодно. Суп из самых свежих щепок; котлеты из лучшего, самого чистого песку; пирожки из разноцветных бумажек; а какой чай! Из самой хорошей кипячёной воды. Милости просим. Музыка, играй!

Та-та! Тра-та-та! Тру-ту! Ту-ру-ру!

Гостей набралось полная комната. Первым прилетел пузатый деревянный Волчок.

- Жж. Жж. Где именинник? Жж. Жж. Я очень люблю повеселиться в хорошей компании.

Пришли две куклы. Одна - с голубыми глазами, Аня, у неё немного был попорчен носик; другая - с чёрными глазами, Катя, у неё не доставало одной руки. Они пришли чинно и заняли место на игрушечном диванчике.

- Посмотрим, какое угощенье у Ваньки, - заметила Аня. - Что-то уж очень хвастает. Музыка недурна, а относительно угощенья я сильно сомневаюсь.

- Ты, Аня, вечно чем-нибудь недовольна, - укорила её Катя.

- А ты вечно готова спорить.

Куклы немного поспорили и даже готовы были поссориться, но в этот момент приковылял на одной ноге сильно подержанный Клоун и сейчас же их примирил.

- Всё будет отлично, барышня! Отлично повеселимся. Конечно, у меня одной ноги не достаёт, но ведь Волчок и на одной ноге вон как кружится.

Здравствуй, Волчок.

- Жж. Здравствуй! Отчего это у тебя один глаз как будто подбит?

- Пустяки. Это я свалился с дивана. Бывает и хуже.

- Ох, как скверно бывает. Я иногда со всего разбега так стукнусь в стену, прямо головой!

- Хорошо, что голова-то у тебя пустая.

- Всё-таки больно. Жж. Попробуй-ка сам, так узнаешь.

Клоун только защёлкал своими медными тарелками. Он вообще был легкомысленный мужчина.

Пришёл Петрушка и привёл с собой целую кучу гостей: собственную жену, Матрёну Ивановну, немца-доктора Карла Иваныча и большеносого Цыгана; а Цыган притащил с собой трёхногую лошадь.

- Ну, Ванька, принимай гостей! - весело заговорил Петрушка, щёлкая себя по носу. - Один другого лучше. Одна моя Матрёна Ивановна чего стоит. Очень она любит у меня чай пить, точно утка.

- Найдём и чай, Петр Иваныч, - ответил Ванька. - А мы хорошим гостям всегда рады. Садитесь, Матрёна Ивановна! Карл Иваныч, милости просим.

Пришли ещё Медведь с Зайцем, серенький бабушкин Козлик с Уточкой-хохлаткой, Петушок с Волком - всем место нашлось у Ваньки.

Последними пришли Алёнушкин Башмачок и Алёнушкина Метёлочка. Посмотрели они - все места заняты, а Метёлочка сказала:

- Ничего, я и в уголке постою.

А Башмачок ничего не сказал и молча залез под диван. Это был очень почтенный Башмачок, хотя и стоптанный. Его немного смущала только дырочка, которая была на самом носике. Ну, да ничего, под диваном никто не заметит.

- Эй, музыка! - скомандовал Ванька.

Забил барабан: тра-та! та-та! Заиграли трубы: тру-ту! И всем гостям вдруг сделалось так весело, так весело.

Праздник начался отлично. Бил барабан сам собой, играли сами трубы, жужжал Волчок, звенел своими тарелочками Клоун, а Петрушка неистово пищал. Ах, как было весело!

- Братцы, гуляй! - покрикивал Ванька, разглаживая свои льняные кудри.

Аня и Катя смеялись тонкими голосками, неуклюжий Медведь танцевал с Метёлочкой, серенький Козлик гулял с Уточкой-хохлаткой, Клоун кувыркался, показывая своё искусство, а доктор Карл Иванович спрашивал Матрёну Ивановну:

- Матрёна Ивановна, не болит ли у вас животик?

- Что вы, Карл Иванович? - обижалась Матрёна Ивановна. - С чего вы это взяли?

- А ну, покажите язык.

- Отстаньте, пожалуйста.

- Я здесь, - прозвенела тонким голоском серебряная Ложечка, которой Алёнушка ела свою кашку.

Она лежала до сих пор спокойно на столе, а когда доктор заговорил об языке, не утерпела и соскочила. Ведь доктор всегда при её помощи осматривает у Алёнушки язычок.

- Ах, нет, не нужно! - запищала Матрёна Ивановна и так смешно размахивала руками, точно ветряная мельница.

- Что же, я не навязываюсь со своими услугами, - обиделась Ложечка.

Она даже хотела рассердиться, но в это время к ней подлетел Волчок, и они принялись танцевать. Волчок жужжал, Ложечка звенела. Даже Алёнушкин Башмачок не утерпел, вылез из-под дивана и шепнул Метёлочке:

- Я вас очень люблю, Метёлочка.

Метёлочка сладко закрыла глазки и только вздохнула. Она любила, чтобы её любили.

Ведь она всегда была такой скромной Метёлочкой и никогда не важничала, как это случалось иногда с другими. Например, Матрёна Ивановна или Аня и Катя, - эти милые куклы любили посмеяться над чужими недостатками: у

Клоуна не хватало одной ноги, у Петрушки был длинный нос, у Карла Иваныча - лысина, Цыган походил на головешку, а всего больше доставалось имениннику Ваньке.

- Он мужиковат немного, - говорила Катя.

- И, кроме того, хвастун, - прибавила Аня.

Повеселившись, все уселись за стол, и начался уже настоящий пир. Обед прошёл, как на настоящих именинах, хотя дело и не обошлось без маленьких недоразумений. Медведь по ошибке чуть не съел Зайчика вместо котлетки; Волчок чуть не подрался с Цыганом из-за Ложечки - последний хотел её украсть и уже спрятал было к себе в карман. Пётр Иваныч, известный забияка, успел поссориться с женой и поссорился из-за пустяков.

- Матрёна Ивановна, успокойтесь, - уговаривал её Карл Иваныч. - Ведь Пётр Иваныч добрый. У вас, может быть, болит головка? У меня есть с собой отличные порошки.

- Оставьте её, доктор, - говорил Петрушка. - Это уж такая невозможная женщина. А впрочем, я её очень люблю. Матрёна Ивановна, поцелуйте её.

- Ура! - кричал Ванька. - Это гораздо лучше, чем ссориться. Терпеть не могу, когда люди ссорятся. Вон посмотрите.

Но тут случилось нечто совершенно неожиданное и такое ужасное, что даже страшно сказать.

Бил барабан: тра-та! та-та-та! Играли трубы: тру-ру! ру-ру-ру! Звенели тарелочки Клоуна, серебряным голосом смеялась Ложечка, жужжал Волчок, а развеселившийся Зайчик кричал: бо-бо-бо! Фарфоровая Собачка громко лаяла, резиновая Кошечка ласково мяукала, а Медведь так притопывал ногой, что дрожал пол. Веселее всех оказался серенький бабушкин Козлик. Он, во-первых, танцевал лучше всех, а потом так смешно потряхивал своей бородой и скрипучим голосом ревел: мее!

Позвольте, как всё это случилось? Очень трудно рассказать всё по порядку, потому что из участников происшествия помнил всё дело только один Алёнушкин Башмачок. Он был благоразумен и вовремя успел спрятаться под диван.

Да, так вот как было дело. Сначала пришли поздравить Ваньку деревянные

кубики. Нет, опять не так. Началось совсем не с этого. Кубики действительно пришли, но всему виной была черноглазая Катя. Она, она, верно! Эта хорошенькая плутовка ещё в конце обеда шепнула Ане:

- А как ты думаешь, Аня, кто здесь всех красивее.

Кажется, вопрос самый простой, а между тем Матрёна Ивановна страшно обиделась и заявила Кате прямо:

- Что же вы думаете, что мой Пётр Иванович урод?

- Никто этого не думает, Матрёна Ивановна, - попробовала оправдываться Катя, но было уже поздно.

- Конечно, нос у него немного велик, - продолжала Матрёна Ивановна. - Но ведь это заметно, если только смотреть на Петра Ивановича сбоку. Потом, у него дурная привычка страшно пищать и со всеми драться, но он всё-таки добрый человек. А что касается ума.

Куклы заспорили с таким азартом, что обратили на себя общее внимание. Вмешался прежде всего, конечно, Петрушка и пропищал:

- Верно, Матрёна Ивановна. Самый красивый человек здесь, конечно, я!

Тут уже все мужчины обиделись. Помилуйте, этакий самохвал этот Петрушка! Даже слушать противно! Клоун был не мастер говорить и обиделся молча, а зато доктор Карл Иванович сказал очень громко:

- Значит, мы все уроды? Поздравляю, господа.

Разом поднялся гвалт. Кричал что-то по-своему Цыган, рычал Медведь, выл Волк, кричал серенький Козлик, жужжал Волчок - одним словом, все обиделись окончательно.

- Господа, перестаньте! - уговаривал всех Ванька. - Не обращайтесь внимания на Петра Ивановича. Он просто пошутил.

Но всё было напрасно. Волновался главным образом Карл Иванович. Он даже стучал кулаком по столу и кричал:

- Господа, хорошо угощенье, нечего сказать! Нас и в гости пригласили только затем, чтобы назвать уродами.

- Милостивые государыни и милостивые государи! - старался перекричать

всех Ванька. - Если уж на то пошло, господа, так здесь всего один урод - это я. Теперь вы довольны?

Потом. Позвольте, как это случилось? Да, да, вот как было дело. Карл Иваныч разгорячился окончательно и начал подступать к Петру Иванычу. Он погрозил ему пальцем и повторял:

- Если бы я не был образованным человеком и если бы я не умел себя держать прилично в порядочном обществе, я сказал бы вам, Пётр Иваныч, что вы даже весьма дурак.

Зная драчливый характер Петрушки, Ванька хотел встать между ним и доктором, но по дороге задел кулаком по длинному носу Петрушки. Петрушке показалось, что его ударил не Ванька, а доктор. Что тут началось! Петрушка вцепился в доктора; сидевший в стороне Цыган ни с того ни с сего начал колотить Клоуна, Медведь с рычанием бросился на Волка, Волчок бил своей пустой головой Козлика - одним словом, вышел настоящий скандал. Куклы пищали тонкими голосами, и все три со страху упали в обморок.

- Ах, мне дурно! - кричала Матрёна Ивановна, падая с дивана.

- Господа, что же это такое? - орал Ванька. - Господа, ведь я именинник. Господа, это, наконец, невежливо!

Произошла настоящая свалка, так что было уже трудно разобрать, кто кого колотит. Ванька напрасно старался разнимать дравшихся и кончил тем, что сам принялся колотить всех, кто подвёртывался ему под руку, и так как он был всех сильнее, то гостям пришлось плохо.

- Караул! Батюшки. Ой, караул! - орал сильнее всех Петрушка, стараясь ударить доктора побольнее. - Убили Петрушку до смерти. Караул!

От свалки ушёл один Башмачок, вовремя успевший спрятаться под диван. Он со страху даже глаза закрыл, а в это время за него спрятался Зайчик, тоже искавший спасения в бегстве.

- Ты это куда лезешь? - заворчал Башмачок.

- Молчи, а то ещё услышат, и обоим достанется, - уговаривал Зайчик, выглядывая косым глазом из дырочки в носке. - Ах, какой разбойник этот Петрушка! Всех колотит и сам же орёт благим матом. Хорош гость, нечего сказать. А я едва убежал от Волка, ах! Даже вспомнить страшно. А вон

Уточка лежит кверху ножками. Убили, бедную.

- Ах, какой ты глупый, Зайчик: все куклы лежат в обмороке, ну и Уточка вместе с другими.

Дрались, дрались, долго дрались, пока Ванька не выгнал всех гостей, исключая кукол. Матрёне Ивановне давно уже надоело лежать в обмороке, она открыла один глаз и спросила:

- Господа, где я? Доктор, посмотрите, жива ли я?

Ей никто не отвечал, и Матрёна Ивановна открыла другой глаз. В комнате было пусто, а Ванька стоял посредине и с удивлением оглядывался кругом. Очнулись Аня и Катя и тоже удивились.

- Здесь было что-то ужасное, - говорила Катя. - Хорош именинник, нечего сказать!

Куклы разом накинулись на Ваньку, который решительно не знал, что ему отвечать. И его кто-то бил, и он кого-то бил, а за что про что - неизвестно.

- Решительно не знаю, как всё это вышло, - говорил он, разводя руками. - Главное, что обидно: ведь я их всех люблю. Решительно всех.

- А мы знаем как, - отозвались из-под дивана Башмачок и Зайчик. - Мы всё видели!

- Да это вы виноваты! - накинулась на них Матрёна Ивановна. - Конечно, вы. Заварили кашу, а сами спрятались.

- Они, они! - закричали в один голос Аня и Катя.

- Ага, вон в чём дело! - обрадовался Ванька. - Убирайтесь вон, разбойники. Вы ходите по гостям только ссорить добрых людей.

Башмачок и Зайчик едва успели выскочить в окно.

- Вот я вас, - грозила им вслед кулаком Матрёна Ивановна. - Ах, какие бывают на свете дрянные люди! Вот и Уточка скажет то же самое.

- Да, да, - подтвердила Уточка. - Я своими глазами видела, как они спрятались под диван.

Уточка всегда и со всеми соглашалась.

- Нужно вернуть гостей, - продолжала Катя. - Мы ещё повеселимся.

Гости вернулись охотно. У кого был подбит глаз, кто прихрамывал; у Петрушки всего сильнее пострадал его длинный нос.

- Ах, разбойники! - повторяли все в один голос, браня Зайчика и Башмачок. - Кто бы мог подумать?

- Ах, как я устал! Все руки отколотил, - жаловался Ванька. - Ну, да что поминать старое. Я не злопамятен. Эй, музыка!

Опять забил барабан: тра-та! та-та-та! Заиграли трубы: тру-ту! ру-ру-ру! А Петрушка неистово кричал:

- Ура, Ванька!